

Уильям Пирс

ФАУСТОВСКИЙ ДУХ

Оригинал: William Pierce. The Faustian Spirit

Источник: <https://counter-currents.com/2013/06/the-faustian-spirit/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Приведенная ниже статья представляет собой отредактированную запись части выступления доктора Уильяма Пирса на Генеральном съезде Национального альянса в сентябре 1978 года. Речь называлась «Мировоззрение Национального альянса».

В позднем Средневековье жил в Германии один выдающийся ученый, который, как полагали, умел разгадывать тайны природы и использовать свои знания удивительным и волшебным образом. Некоторые считали его искусным алхимиком, который приобрел свои способности в результате усердной работы в лаборатории; другие говорили, что он был всего лишь обманщиком, фокусником, мастером скорее ловкости рук, чем алхимии; но большинство в конце концов стали считать его чародеем, который заключил договор с дьяволом, обменяв свою душу на знание и силу.

Этим таинственным ученым был доктор Иоганн Фауст (ок. 1480–1538), и многочисленные легенды, сложенные о нем, захватили воображение писателей, поэтов и композиторов последующих поколений. Через полвека после его смерти в Германии была издана книга, содержащая эти легенды, «История доктора Иоганна Фаустена» Иоганна Шписса, которая вскоре появилась также в английском и французском переводах. В конце шестнадцатого века английский драматург Кристофер Марло написал на основе этих легенд свою «Трагическую историю доктора Фауста». После этого бесчисленное множество других авторов подхватили тему Фауста: тему человека, стремящегося выйти за установленные пределы, ищущего знания сверх того, что отведено другим.

Наиболее известным писателем в этом духе был Иоганн Вольфганг фон Гёте, первая часть длинной драматической поэмы которого «Фауст» была опубликована в 1808 году. Опираясь главным образом на трактовку Гёте, Берлиоз и Гуно, среди прочих, сочиняли оперы. На протяжении девятнадцатого и двадцатого веков продолжали появляться симфонии, стихи, пьесы и романы, посвященные легенде о Фаусте.

Сюжет явно резонирует с чем-то, что покоится глубоко в европейской душе. На самом деле предшественницу легенды о Фаусте можно легко увидеть в легенде об Одине, чей поиск истины и понимания привел к тому, что он отказался от одного глаза и девять дней провисел на Мировом Древе.

Во многих версиях легенды о Фаусте подчеркиваются различные элементы, но неизменной темой является упомянутая выше: стремление незаурядных людей к пониманию жизни и Природы: выход на новый уровень существования ради более полного развития скрытых сил.

Именно из этой постоянной темы, а не из полуисторического рассказа о жизни доктора Иоганна Фауста или какого-либо художественного произведения, использующего его имя, мы черпаем значение, придаваемое сегодня прилагательному «фаустовский». Это слово относится к духовной тенденции расы, которая на протяжении веков демонстрировала такое увлечение идеей, лежащей в основе легенды о Фаусте. Оно описывает основное стремление или побуждение, скрытое в душе европейского человека – и активное у некоторых исключительных европейцев.

Фаустовское побуждение в нашей расовой душе говорит нам: «Ты не должен отдыхать или довольствоваться тем, что у тебя есть, каковы бы ни были твои достижения. Ты должен упорно трудиться и бороться все дни своей жизни. Ты должен все открыть, все познать, все освоить».

Фаустовское стремление европейского человека совершенно отличается от стремления левантийской души к накоплению, обладанию, от страстного стремления накапливать деньги сверх всякой разумной причины, от жажды

личного величия. И это, конечно, противоречит тому, что можно было бы назвать «маньяна» – духом латинских народов, который говорит им: «Наслаждайтесь жизнью. Не спешите. Вам не нужно знать, что лежит за следующим хребтом».

Это источник как нашей фундаментальной неугомонности как расы, так и нашей основополагающей любознательности. Это то, что делает нас авантюристами, заставляет нас рисковать жизнью в предприятиях, которые не могут принести нам никакой мыслимой материальной выгоды, – нечто совершенно чуждое другим расам, привыкшим судить обо всем только по его практической полезности.

Именно фаустовское побуждение сделало нашу расу выдающейся расой первооткрывателей, побудило нас взбираться на самые высокие горы в землях, населенных людьми других рас, которые удовлетворялись тем, что всегда оставались в долинах. Это то, что в большей степени, чем один только интеллект, сделало нас также выдающейся расой ученых, особенно в те дни, когда научная деятельность еще не стала хорошо оплачиваемой профессией. Это то, что отправило нас в другой мир и теперь заставляет нас тянуться к звездам.

Но фаустовское стремление также больше, чем все это. Оно возвышает тех, кто проникся им, над «экономическими» людьми, которые в глазах как западных политиков, так и восточных комиссаров, как профсоюзных боссов, так и промышленников, как неолиберальных демократов, так и консервативных республиканцев являются единственными обитателями земли. Оно делает человека кем-то большим, чем просто потребителем или производителем. Это больше, чем что-либо другое, проявление Божественного в душе человека.

Начальная сцена гётевского «Фауста» передает идею фаустовского духа, выраженную выше: Фауст – неугомонный ученый, собравший все человеческие знания, но чья душа остается неутоленной, его тяга к окончательной истине не ослабевает. Один в своем кабинете, поздно ночью, он смотрит со смесью благоговения и желания на знак Макрокосма и говорит себе:

*Какой восторг и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья,
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетанье этих линий!
Расходится томивший душу мрак.*

*Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я – бог
И вижу, символ мира разбирая,
Вселенную от края и до края.*

Но Гёте рисует и другие стороны характера своего главного героя, помимо той, которую мы назвали «фаустовской». Может быть, лучшим или, по крайней мере, менее двусмысленным прилагательным было бы «одиссеевское» или «улиссовское», потому что английский поэт Альфред Теннисон в одном своем коротком стихотворении «Улисс» действительно подходит ближе к тому смыслу этого слова, который мы хотим передать, чем Гёте или любой другой писатель, писавший о легенде Фауста.

Желание героя Теннисона состоит в том, чтобы:

*За знаньем следовать, как за звездой упавшей,
перешагнув пределы нашей мысли.*

Улисс говорит:

*Но пережитый опыт – только арка,
Через нее непройденное светит,
И край того нетронутого мира,
Чем дальше путь держу, тем дальше тает.*

Даже в старости, после гораздо более полной и богатой событиями жизни, чем это дано обычному человеку, Улисс говорит:

*Плывем, друзья, пока не слишком поздно
Нам будет плыть, чтоб новый мир найти.
Отчалим и, в порядке строгом сидя,
Ударим по гремучим бороздам.
Мой умысел – к закату парус править,
За грань его, и, прежде чем умру,
Быть там, где тонут западные звезды.*

Он видит себя «изношенным годами и судьбой», «но воля непреклонно нас зовет бороться и искать, найти и не сдаваться».

И подобно тому, как гётевский Фауст противопоставляется своему ассистенту или ученику-слуге, педантичному Вагнеру, так еще сильнее – и гораздо лаконичнее – Теннисон противопоставляет Улисса его сыну Телемаху, человеку «медленного терпенья», который занят тем, чтобы:

*Смягчить людей суровых, постепенно
К полезному труду их приручая.
Он безупречно исполняет долг
Общественный; могу я положиться
На нежную заботу и почёт,
Которыми богов он окружит
Домашних, когда я уйду отсюда.
Ему – своя работа, мне – моя.*

Но Телемаху совершенно не хватает воодушевления отца.

Тем не менее, обычное словоупотребление отдает предпочтение «фаустовскому» над «улиссовским», и мы будем довольствоваться этим.

Со строго антропологической точки зрения мы можем искать ключ к фаустовской тенденции европейского человека в особенностях его эволюционного развития. На протяжении 10 000 поколений он был охотником на стада бизонов (зубров), северных оленей и мамонтов, которые бродили по замерзшим равнинам Северной Европы в ледниковые периоды. Мы могли бы, следовательно, ожидать, что он проявит любознательность, которой он обладает и действительно проявляет, что является признаком хищника, будь то кошка или человек, – но мы могли бы также спросить, почему другие расы, прошедшие через фазу охоты, не проявляют ее в той же степени.

Мы могли бы ожидать, поскольку наши предки следовали за стадами во время их сезонных миграций в течение многих столетий, владея только тем имуществом, которое они могли нести на спине, что они должны были приобрести неугомонность скитальца, в то время как более оседлые расы должны были стать с течением веков более склонными к накоплению и менее к исследованию и первооткрывательству. Но, опять же, существовали более южные кочевые расы, которые, по-видимому, не прониклись фаустовским духом.

Суровый северный климат, постоянно меняющиеся времена года, безусловно, сформировали характер нашей расы так же сильно, как и любой другой фактор. Агрессивность, предприимчивость, смелость – вот черты, которые позволяли нашим предкам находить и использовать каждую скудную возможность для выживания в суровой и неумолимой среде. Но монголоидные народы, которые развивались в такой же суровой среде, похоже, реагировали на нее несколько иначе и сегодня характеризуются скорее флегматизмом, чем склонностью к приключениям и риску.

Мы можем только сделать вывод, что фаустовский дух является следствием уникальной и преходящей комбинации причинных факторов, воздействию которых только одна раса подвергалась в течение периода времени, достаточного лишь для того, чтобы произвести необходимую генетическую трансформацию и дать ей тонкую расовую основу. Даже у нашей собственной расы этот дух сильно проявляется лишь у тех немногих, кто предпочитает приключения преимуществам, достижения приобретениям, самопознание самоудовлетворению, завоевание новых миров удобству и безопасности старых, истинное понимание Абсолюта не вызывающей вопросов однозначности узкой ортодоксии.

Раса, являющаяся носителем этого духа, должна поэтому вдвойне заботиться о сохранении своей генетической основы, чтобы она не стала расой только юристов, клерков, рабочих и торговцев, но оставалась также расой философов, исследователей, поэтов и изобретателей: искателей окончательного знания, людей, стремящихся к совершенству, которое есть Божественность.

Если мы возьмем самую длинную точку зрения, то увидим, что дух Фауста, каким бы тонким он ни был, является единственным оправданием самого существования европейского человека.

Источник: *National Vanguard*, no. 65, 1978; перепечатано в *The Best of Attack! and National Vanguard Tabloid*, ed. Kevin Alfred Strom (Arlington, Va.: National Vanguard Books, 1984), стр. 145.

Библиотека Велесова Слобода, 2024 г.